

Валиахметов Альберт Наилевич

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЛЕГИОНА В РОССИИ (1914-1918) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается влияние политики и идеологии на историографию. Эта проблема была изучена на примере истории создания чехословацкого войска в России в 1914-1918 годах и последующей интерпретации этого факта в отечественной и чехословацкой (чешской) историографии. Чехословацкая историография рассматривала добровольное чехословацкое войско в качестве революционной армии, главной целью которой является борьба за создание Чехословацкого государства. Советская историография видела в чехословацких legionерах лишь "бывших военнопленных", действиями которых руководили "буржуазные националисты". В настоящее время наблюдается сближение подходов отечественной и чешской историографии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 54-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Белогриц-Котляревский Л. С.** Учебник русского уголовного права: общая и особенная части. Киев, 1903. 618 с.
2. **Беркович Н. В.** Банкротство: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 206 с.
3. **Гольмстен А. Х.** Исторический очерк русского конкурсного процесса. СПб., 1907. 292 с.
4. **Зацепин А. М.** Эволюция законодательства об уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве // Правоохранительные органы: теория и практика. Екатеринбург, 2008. № 2 (2).
5. **Кузнецов А. В.** Преступления в сфере несостоятельности (ст. 195-197 УК РФ): вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 25 с.
6. **О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР** [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. **Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ)**. СПб., 1830. Собрание первое. Т. 26. 1800-1801 гг. 880 с.
8. **ПСЗРИ**. СПб., 1833. Собрание второе. Т. 7. 1832 г. 1414 с.
9. **ПСЗРИ**. СПб., 1846. Собрание второе. Т. 20. Отделение первое. 1845 г. 1045 с.
10. **Российское законодательство XI-XX вв. Законодательство Древней Руси** / под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. 430 с.
11. **Таганцев Н. С.** Уголовное уложение 22 марта 1903 года. СПб., 1904. 1122 с.
12. **Таганцев Н. С.** Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1904. 714 с.
13. **Телюкина М. В.** Основы конкурсного права: монография. М., 2004. 560 с.
14. **Фойницкий И. Я.** Курс уголовного права: часть особенная: посягательства личные и имущественные. СПб., 1907. 436 с.

**HISTORY OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL ACTS
IN BANKRUPTCY IN LEGISLATION OF THE RUSSIAN EMPIRE****Artem Andreevich Vakutin***Department of Criminal Law**Omsk Academy of Ministry of Home Affairs of Russia**artv@bk.ru*

The author conducts the research of the history of the origin and development of criminal liability for illegal acts in bankruptcy in the legislation of the Russian Empire, and pays particular attention to the research of the normative consolidation and revelation of the major tendencies in the development of criminal liability for such offenses in legislative acts, beginning with the draft Statute about Bankrupts of 1740 and ending with the Criminal Code of 1903.

Key words and phrases: bankruptcy; insolvency; illegal acts in bankruptcy; malicious bankruptcy; reckless bankruptcy.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье рассматривается влияние политики и идеологии на историографию. Эта проблема была изучена на примере истории создания чехословацкого войска в России в 1914-1918 годах и последующей интерпретации этого факта в отечественной и чехословацкой (чешской) историографии. Чехословацкая историография рассматривала добровольное чехословацкое войско в качестве революционной армии, главной целью которой является борьба за создание Чехословацкого государства. Советская историография видела в чехословацких легионерах лишь «бывших военнопленных», действиями которых руководили «буржуазные националисты». В настоящее время наблюдается сближение подходов отечественной и чешской историографии.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; военнопленные; Чешская дружина; Чехословацкий легион; русофильство; имперское мышление; идеология; Т. Г. Масарик; Й. Дюрих; А. Х. Клеванский; историография.

Альберт Наилевич Валиахметов, к.и.н.*Кафедра истории России и методики преподавания**Казанский (Приволжский) федеральный университет**albert80@mail.ru***К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ЛЕГИОНА
В РОССИИ (1914-1918) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[©]**

«Всякое историческое знание в конечном итоге зависит от его социальных целей» [16, с. 13] - это утверждение П. Томпсона особенно уместно в отношении историографии войн, революций и переломных эпох в развитии общества. В центре внимания настоящей статьи – изучение влияния политики и идеологии на историографию.

Ярким примером этого является история создания чехословацких добровольческих частей в России в годы Первой мировой войны, а также появившаяся вслед за этим историография чехословацкого легиона.

Идеологический шлейф тянулся за чехословацким легионом в России с первых дней его существования. Само создание добровольческого войска было продиктовано стремлением чехов, проживающих в России, подчеркнуть свою лояльность по отношению к могущественному восточному соседу. Чехословацкие и советские историки по-разному объясняли причины создания чехословацких вооруженных формирований в России. Чешский историк Р. Сак писал о присущем чехам русофильстве, под влиянием которого они выступили с инициативой создания Киевской дружины [20, s. 7]. Он отмечал, что мировая война пробудила «политический романтизм», на волне которого чехи, проживающие в России, просили предоставить им русское подданство [Ibidem]. В свою очередь советский историк А. Х. Клеванский видел в этом поступке вынужденный шаг: «Инициаторы создания специального чешского воинского формирования в рядах русской армии стремились лишней раз подчеркнуть лояльность чехов и словаков – русских подданных, а также добиться для австрийских подданных исключения из общих правил о высылке и конфискации имущества» [4, с. 20]. Следует добавить, что этой же позиции придерживаются некоторые исследователи и в настоящее время [1, с. 18]. Современный историк Б. Татаров называет подобные высказывания «спекуляциями» и «идеологическими нелепостями» [15, с. 8]. Он приводит свидетельства того, что по отношению к славянам – подданным Австро-Венгерской империи – репрессивные меры были смягчены и отменены [Там же, с. 8-9]. Впрочем, следует подчеркнуть, что упомянутый выше А. Х. Клеванский в той же работе отмечал, что: «Не следует, конечно, упрощать и схематизировать; в чешские части шли и молодые люди, искренне руководствовавшиеся наивно патриотическими и националистическими убеждениями (выделено нами – А. В.)» [4, с. 20]. Развивая эту точку зрения, Б. Татаров особо подчеркивает, что чехи – подданные Австро-Венгрии, проживающие в России, в первые же дни войны выступили с идеей поддержки славянства: «Победа России в этой войне, с точки зрения чехов, могла привести к распаду Австро-Венгерской империи и восстановлению независимости Чешского королевства, потерянной в XVII столетии. Вполне понятна ориентация чешского освободительного движения на Россию. Однако чехи не желали оставаться лишь зрителями битвы и обратились к русскому правительству с просьбой о создании чешского воинского подразделения» [15, с. 5].

Причины подобного различия в историографии уходят своими корнями в годы рассматриваемых событий. По мнению Р. Сака, русофильство чехов имело в своей основе идеалистические причины – они видели в России не только политическую мощь и военную силу, но прежде всего «духовный авторитет»: «Чешское русофильство было, по сути, не политическим, оно питалось из источников литературных и метафизических» [20, s. 9]. На этом основании они строили далеко идущие планы создания «Славянской федерации» во главе с Романовыми. Впрочем, не стоит видеть в деятельности чехов, проживающих на территории России, только лишь идеалистические мотивы. Стремление «помочь России и союзникам» было важной, но не единственной причиной, которая привела к образованию дружины. Чехами с первых дней войны двигало желание «бороться за независимость своего народа» [9, с. 4]. Р. Медек – член филиала Чехословацкого Национального Совета в России, – выступая на съезде Союза чехословацких обществ, который открыл свою работу 23 апреля 1917 года, заявил следующее: «Сильная чехословацкая армия будет мощнейшим политическим проявлением естественной воли всего нашего народа к свободе и самостоятельности, будет самым значительным и самым важным доводом в нашу пользу при мировых переговорах» [Цит. по: 19, s. 37]. В дальнейшем, история и историки подтвердили правоту слов, сказанных Р. Медеком: «Существование же Чешской армии определенно сыграло бы решающую роль в решении вопроса о восстановлении независимости Чехии. Следует заметить, что возникновение Чехословацкой республики в 1918 году напрямую зависело от существования боеспособной Чешско-словацкой армии» [15, с. 7-8].

В чешском национально-освободительном движении имелись две точки зрения по вопросу о создании воинских формирований. Проект генерала Я. Червинки предусматривал создание из чехов, проживающих на территории России, единого Чешского корпуса (впоследствии армии), которая могла бы выступить на стороне России, а сама Чехия при этом получила бы статус государства, воюющего на стороне Антанты [Там же, с. 7]. Другой проект, выдвинутый представителями чешских организаций, предусматривал «образование особого добровольческого чешского формирования, которое сначала имело бы лишь пропагандистские цели, и лишь со вступлением российской армии на территорию Чехии его деятельность должна была быть направлена на организацию всеобщего восстания чешского народа» [Там же]. Объединяло эти точки зрения одно весьма важное обстоятельство – ключевая роль, которая отводилась добровольческой чехословацкой армии. При этом каждый из предложенных путей должен был привести к единой цели – образованию независимой Чехословакии.

Что касается позиции России, по отношению к чешскому национально-освободительному движению (а следовательно, и к чехословацкому войску, как важнейшей части этого движения), то она строилась на принципиально иных основаниях. Обозначим их следующим образом. Прежде всего, все мероприятия, связанные с созданием и действиями чехословацкого (славянского) войска в России, вписывались в контекст «Россия – защитница славянства». Д. Савваитова, объясняя скептическое отношение Российского министерства иностранных дел к идее создания Славянской федерации, подчеркнула следующее: «Несмотря на то, что данный документ (меморандум К. Крамаржа “Устав Славянской империи применительно к Deutsche Bundesakte” – А. В.) был весьма холодно принят МИДом, никогда не выдвигавшим общеславянские лозунги в качестве официальной доктрины, он вписывался в контекст настроений российского общества, особенно тех его слоёв, которые разделяли идею славянского сближения» [11, с. 114].

По всей видимости, создание чехословацкого добровольческого войска (как факт проявления лояльности и верности идее «славянства») имел для царского правительства не *практическое*, а скорее, *идеологическое* значение. Так, например, все мероприятия, связанные с образованием Киевской дружины в 1914 году, были обставлены празднично: наряду с произнесением торжественной присяги в Киеве 28 сентября (11 октября) 1914 года происходило также освящение знамени [17, s. 37]. Даже в условиях, когда страна и армия находились на грани катастрофы, обозначенным выше ритуалам придавалось большое значение. Так, например, в 1917 году «росло число частей и соединений, принявших коллективные присяги перед боем, причём среди них была даже одна интернациональная – 3-й Чешский Яна Жижки стрелковый полк» [14, с. 52].

Царское правительство изначально имело несколько иное видение роли чехословацких воинских соединений. В качестве свидетельства приведём цитату из приказа военного министра от 7 августа 1914 года: «сформировать в Киеве один или два полка или в зависимости от числа добровольцев батальон хотя бы из двух рот. Употребление не боевое, а из политических соображений и с ориентацией на будущее восстание, постоянной и прочной организации не придавать, ибо в дальнейшем будут действовать отдельными партиями» [15, с. 6]. Следует также учитывать различия, которые существовали в российских военно-политических кругах: военные нуждались в солдатах, а промышленники – в рабочих руках. Неслучайно поэтому, что долгое время чехословацким частям отводилась лишь роль разведывательных отрядов. Кардинальный поворот в отношении к чехословацкому войску в России произошёл лишь в 1917 году, когда в России произошла революция, армия находилась в состоянии развала, а война всё ещё продолжалась, и требовались боеспособные части.

Возможно, что более серьёзному отношению к чехословацкому войску в России мешала небольшая численность чехословацкой дружины. Однако есть сведения, что царское правительство само сдерживало его рост. Объяснялось это также и тем, что до определённого этапа царское правительство не имело чёткой позиции по отношению к вопросу об образовании независимого Чехословацкого государства. Во-первых, не была ясна судьба Австро-Венгрии (точнее, отношение к её возможному распаду). Во-вторых, поддержка любых национальных движений могла породить весьма опасный прецедент и стать примером для народов, проживающих на территории Российской империи. Лишь после того, как стало ясно, что распад Австро-Венгрии неизбежен, царское правительство попыталось перехватить инициативу в руководстве чешским национально-освободительным движением, сделав ставку на Й. Дюриха. Однако этот план провалился. Во-первых, у Й. Дюриха был сильный оппонент, ориентированный на страны Запада – Томаш Масарик. Во-вторых, «Февральская буржуазно-демократическая революция спутала все карты русских и чехословацких монархистов. Дюриховский совет – это детище Особого политического отдела – умер, едва успев родиться» [4, с. 58].

По ходу войны отношение к России менялось и в среде чехов. Прежде всего, произошла переориентация политического руководства. Если в начале войны Т. Г. Масарик возлагал большие надежды на Россию, то к 1916 году он переориентировался на страны Запада [11, с. 115, 121]. Менялось отношение к России и среди рядовых чехов (особенно в лагерях военнопленных). Чешские солдаты весьма охотно сдавались в русский плен. Однако, попав в лагерь для военнопленных, они ощущали на себе, что отношение к ним было такое же, как, к примеру, к пленным немцам и австрийцам. Принадлежность к противнику затмевала собой принадлежность к славянству. Р. Сак приводит выдержку из воспоминаний военнопленного К. Ванека, по свидетельству которого русский прапорщик под плакатом о России как о защитнице славянства подвергал наказанию чешского военнопленного-инвалида за то, что тот не поприветствовал его [20, s. 12]. Неудивительно, что постепенно противоречие между идеальной (во всех смыслах этого слова) картиной и действительностью привело к тому, что «политический романтизм», о котором писалось вначале, стал улетучиваться. Т. Г. Масарик провозгласил Чехословацкий легион в России революционной армией, которая могла быть использована только в борьбе против Австрии и Германии, и после заключения большевиками Брестского мира выступал за скорейшую переброску чехословацких войск на Западный фронт [18, s. 47].

Из подобного различия в подходах вытекает и различие в историографии. Некоторая недооценка чехословацкого национально-освободительного движения в российских правительственных кругах перешла «по наследству» и к отечественной историографии.

Несмотря на то, что Российская империя прекратила своё существование, симптомы имперского мышления продолжали сохраняться в сознании участников событий и авторов исследований и воспоминаний. А. Котомкин, обосновывая правомерность разоружения чехословацких легионеров, отмечал, что требование сдать оружие было логичным в силу того, что «чехи – военнопленные, снаряжённые и одетые русской властью, и русская же, та или иная, власть имела право взять это снаряжение обратно» [5, с. 35]. Подобные оценки были вызваны стремлением, с одной стороны, уколоть самолюбие чехословацких легионеров, а с другой стороны, отразить в себе большую горечь от нанесённой ими обиды.

Рецидивы имперского мышления наблюдались даже у социалистов. Бывшие комучевцы утверждали, что чехословаки в России руководствовались не верностью идеалам революции или демократии, а своими «эгоистическими» «националистическими» интересами: «Такова грустная и некрасивая история чехов в России, людей, осмелившихся в своих эгоистических целях поставить интересы империалистов Антанты выше интересов демократии великой братской страны» [13, с. 84]. В данном случае на место имперской идеи «славянского единства» выдвигалась другая, не менее масштабная идея – «борьба за демократию».

Более того, даже советской историографии не удалось избежать подобного подхода. Так, например, в «Кратком курсе истории ВКП(б)» было сказано, что: «На Средней Волге и в Сибири проискамы

англо-французов был организован мятеж чехословацкого корпуса. Этому корпусу, **состоявшему из военнопленных**, было разрешено советским правительством выехать к себе на родину через Сибирь и Дальний Восток (выделено нами – А. В.)» [3, с. 217].

Во-первых, ни слова не было сказано о том, что в основе Чехословацкого легиона были добровольные вооружённые формирования – Киевская дружина. Во-вторых, отношения между Советской властью и Чехословацким легионом были представлены не в виде равноправных, а в виде иерархических. Следует помнить, что взаимоотношения между Советской властью и Чехословацким легионом весной 1918 года регулировались, как правило, на основе двусторонних соглашений. Первая же попытка проявить «властную волю» и насильно разоружить легионеров привела к тому, что будет обозначено в отечественной историографии как «мятеж Чехословацкого корпуса».

Что касается характеристики «политического облика», целей и идеалов чехословацкого национально-освободительного движения, то они в советской историографии были вписаны в рамки «буржуазного национализма». Н. И. Подвойский в своей брошюре «Правда о чехословаках», изданной в 1918 году, писал, что «среди чехословаков главное политическое движение было национальное, в котором играла самую крупную роль, конечно, крупная буржуазия, в значительной части мелкая буржуазия и отчасти ремесленники, мало сознательные рабочие, которые назывались национальными социалистами» [10, с. 4]. Советские историки указывали, что, согласившись «на использование легионеров в антисоветских целях [...] буржуазное руководство ЧНС получало право голоса при решении русского вопроса на мирной конференции после разгрома Германии» [12, с. 68]. Историки писали также о «реакционном влиянии буржуазного Национального Совета» [8, с. 79]. Подобная характеристика «избавляла» от необходимости более подробного изучения этой темы.

Одним из первых, кто попытался переломить эту тенденцию, был А. Х. Клеванский: «показ национальных приоритетов в сознании легионеров, партийной борьбы в руководстве корпуса и движения в целом, намёки на планы использования корпуса не только правительств Антанты, но и Советского правительства, означал конец старой схемы восстания» [7, с. 45]. Однако качественного пересмотра «отношений легионеров к событиям в России» или перехода к новому восприятию событий в историографии в 1960-1980-е годы не произошло.

Лишь в 1990-е годы историки стали признавать, что Брестский мир и проблемы, порождённые им, – «результат первой мировой войны, что вольно, или невольно игнорируют отечественные историки. Это непосредственно относится к вопросу о мятеже чехословаков» [6, с. 4]. Именно в это время практически впервые обратили внимание на то, что в основе деятельности легионеров лежал «революционный мотив – желание чехословаков добиться независимости Чехословакии. Именно это было целью всего движения»; «Сторонники национальной идеи желали одного – скорее на Запад, разгромить Габсбургов и создать Чехословакию. Именно они составляли костяк корпуса» [Там же, с. 4, 5]. Вслед за своими чехословацкими (чешскими) коллегами отечественные историки лишь в 2000-е годы стали писать о «встрече двух революций» на российской почве [2].

Что касается чехословацкой историографии, то её позиции изначально были более определёнными и однозначными – чехословацкое войско представляло собой революционную армию, которая вела борьбу за высокие идеалы – в том числе и за создание независимого Чехословацкого государства.

Таким образом, идеологические основания определяли не только позицию политических деятелей в конкретных условиях в годы Первой мировой войны, но также оказали своё воздействие и на развитие историографии. Это влияние в некоторых случаях прослеживается вплоть до настоящего времени.

Список литературы

1. **Ефименко А. Р.** Чехословацкий корпус в составе русской армии и революционные события 1917 года // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 17-22.
2. **Захаров А. М.** Славянские вооружённые формирования в России: «встреча двух революций» или «проданный корпус»? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19). Ч. I. С. 76-78.
3. **История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков):** краткий курс. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1946. 352 с.
4. **Клеванский А. Х.** Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914-1921 гг. М.: Наука, 1965. 394 с.
5. **Котомкин А.** О Чехословацких Легионерах в Сибири. 1918-1920. Воспоминания и документы. Париж, 1930. 173 с.
6. **Левчук А. П.** Ещё раз о «Преданном корпусе» (к вопросу о возникновении чехословацкого мятежа) // Из истории революции в России (первая четверть XX в.): материалы всероссийского симпозиума, посвящённого памяти И. М. Разгона. Томск, 1996. Ч. 2. С. 3-12.
7. **Мальшева С. Ю.** Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. 271 с.
8. **Медведев Е. И.** Гражданская война в Среднем Поволжье (1918-1919 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1974. 352 с.
9. **Папоушек Я.** Чехословаки и Советы. Как произошло столкновение чехословацких легионов с советами / авторизованный перевод с чешского Н. Ф. Мельниковой-Папоушковой. Прага: Издание автора, 1928. 71 с.
10. **Подвойский Н. И.** Правда о чехословаках. М.: Издательство ВЦИК, 1918. 16 с.
11. **Саввантова М. Д.** Чешский вопрос в официальных кругах России в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М.: Наука, 1994. С. 113-126.
12. **Светачёв М. И.** Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922). Новосибирск, 1983. 336 с.
13. **Святыцкий Н. В.** К истории Всероссийского Учредительного собрания. Очерк событий на востоке России в сентябре-декабре 1918 г. М.: Просветительное кооперативное издательское товарищество «Народ», 1921. 174 с.
14. **Солнцева С. А.** Ударные формирования русской армии в 1917 году // Российская история. 2007. № 2. С. 47-59.

15. Татаров Б. Чешская (Киевская) дружина (август 1914 – 1915 г.). М.: Фонд «Русские витязи», 2009. 96 с.
16. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.
17. Československá legie v Rusku, 1914-1920. Katalog k výstavě. Praha: Tiskárna Ministerstva vnitra, 2008. 136 s.
18. Kautman F. Masaryk, Šalda, Patočka. Praha: Evropský kulturní klub, 1990. 94 s.
19. Kudela J. Československý revoluční sjezd v Rusku. Brno: Moravský legionář, 1927. 48 s.
20. Sak R. Anabáze. Drama československých legionářů v Rusku (1914-1920). Praha: H&h, 1996. 174 s.

ON QUESTION OF REASONS OF CZECHOSLOVAK LEGION FORMATION IN RUSSIA (1914-1918) IN NATIVE AND CZECHOSLOVAK HISTORIOGRAPHY

Al'bert Nailevich Valiakhmetov, Ph. D. in History
Department of Russian History and Teaching Technique
Kazan' (Volga Region) Federal University
albert80@mail.ru

The author considers the influence of politics and ideology on historiography, and studies this problem by the example of the history of the Czechoslovak army creation in Russia in 1914-1918 and the subsequent interpretation of this fact in the Russian and Czechoslovak (Czech) historiography. The Czechoslovak historiography considered the voluntary Czechoslovak army as a revolutionary one, whose main goal was to fight for the creation of the Czechoslovak state. The Soviet historiography saw only the "former prisoners of war" in the Czechoslovak legionaries, whose actions were led by "bourgeois nationalists". Currently, there is the convergence of the national and Czech historiography approaches.

Key words and phrases: World War I; prisoners of war; Czech squad; Czechoslovak legion; Russophilia; imperial thinking; ideology; T. G. Masarik; I. Dyurikh; A. Kh. Klevanskii; historiography.

УДК 7.01

Искусствоведение

В статье освещается малоисследованная проблема, связанная с интерпретацией советскими музыковедами сталинской «теории» языкознания. После появления в газете «Правда» 20 июня 1950 года работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» комментарии «высочайшего» документа заняли важное место в музыковедческой практике. Теперь обоснование канонов соцреализма проводилось с точки зрения исторической эволюции музыкального языка, а также нахождения подобия этой эволюции в языке других искусств. Работа Сталина позволила «научно» аргументировать историческую обусловленность соцреализма и концепт об «антиреволюционном» характере развития языка искусства. Так была окончательно подведена теоретическая база под каноны народности, академизма, идейности, якобы присущие стилю советской музыки.

Ключевые слова и фразы: Сталин; Жданов; соцреализм; языкознание; музыкальный язык; программность; содержание; народность.

Игорь Станиславович Воробьев, к. иск., доцент

Кафедра теории музыки

Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова

izspbgorv@mail.ru

«ТЕОРИЯ» ЯЗЫКОЗНАНИЯ И. В. СТАЛИНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКЕ НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ[©]

Накануне «культурной революции» 1948 года, ознаменованной выходом Постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», на январском Совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) выступил А. А. Жданов. Подлинным предметом его «филиппик», равно как и будущего Постановления, оказалась, конечно, не опера Мурадели, а в широком понимании *смысл искусства*. Развитие советской культуры за предшествующее десятилетие выявило явные противоречия между канонами тоталитарной эстетики и собственно *художественной* парадигмой (назовем ее так), поддерживавшей «нормальную коммуникацию» искусства и общества. Период 1939-1947 гг., как это показано Е. Власовой [5], значительно ослабил позиции соцреализма в пользу немифологизированного, глубоко индивидуального подхода к творчеству, чем немало обеспокоил не только власть, а и ту часть «культурного фронта» СССР, которая придерживалась «идейных» или конформистских позиций («демократическое направление»: старые и новые его представители). Так что полная реставрация ортодоксального соцреализма теперь стала задачей первостепенной политической важности. Ведь тоталитаризм, да еще в свете послевоенного брожения умов, не мог бы существовать вне контроля над ними.